

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34
УДК 314.748,331.556.4(045)

Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России во время пандемии COVID-19*

Д.В. Полетаев

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия; Центр миграционных исследований, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0255-8716>

АННОТАЦИЯ

В условиях пандемии COVID-19 и экономического кризиса в России рынок труда изменился, и это отразилось на иностранной рабочей силе, составляющей важную его часть. В этих изменившихся условиях актуализируется изучение занятости трудовых мигрантов из Средней Азии. На базе социологического исследования, проведенного автором в России в 2020–2021 гг. среди 900 трудовых мигрантов из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, анализируются тип и сфера их занятости на родине и в России, способ поиска работы и конкуренция с россиянами, тип сослуживцев и продолжительность пребывания в России, среднемесячная и почасовая оплата труда в России в среднем за год в рублевом и долларовом измерении и участие в формировании бюджета семьи на родине, наличие письменного договора с работодателем и причины его отсутствия в России в период пандемии COVID-19 в страновом и гендерном разрезе.

Ключевые слова: трудовая миграция; COVID-19; Средняя Азия; трудящиеся-мигранты; занятость мигрантов в России

Для цитирования: Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):21-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34

ORIGINAL PAPER

Employment of Central Asian Migrant Workers in Russia during the COVID-19 Pandemic**

D.V. Poletaev

Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russia; Centre for Migration Research, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0255-8716>

ABSTRACT

In the context of the COVID-19 pandemic and the economic crisis in Russia, the labour market has changed, affecting the foreign labour force, which is an important category of it. In these changed conditions, the study of the employment of labour migrants from Central Asia is becoming more relevant. Based on a sociological study conducted by the author in Russia in 2020–2021 among 900 labour migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan in the cities of Moscow, St. Petersburg and Yekaterinburg, the type and scope of their employment at home are analysed. The type and scope of their employment in Russia, the method of finding a job and competition with Russians, the type of colleagues and the length of stay in Russia are analysed. The analysis analyses the average monthly and hourly wages in Russia on average per year in rouble and dollar terms and participation in the formation of the family budget at home, the existence of a written agreement with the employer and the reasons for its absence in Russia during the COVID-19 pandemic in the country and gender sections.

Keywords: labour migration; COVID-19; Central Asia; migrant workers; employment of migrants in Russia

For citation: Poletaev D.V. Employment of Central Asian migrant workers in Russia during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):21-34. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-21-34

* Статья написана по итогам Регионального проекта Международной организации по миграции «Снижение влияния социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на мигрантов и сообщества в Центральной Азии и Российской Федерации» (2020 г.).

** The article was written following the results of the Regional Project of the International Organization for Migration “Reducing the impact of the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic on migrants and communities in Central Asia and the Russian Federation” (2020).

ВВЕДЕНИЕ

В статье приводятся данные исследования, проведенного автором в России с августа 2020 по март 2021 г. среди трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

В ноябре-декабре 2020 г. проведено очное анкетирование трудящихся-мигрантов из Таджикистана (310 чел.), Киргизии (296 чел.) и Узбекистана (294 чел.) в России методом личного интервью.

Общий объем выборки в России — 900 респондентов, в том числе Москва (420 чел.), Санкт-Петербург (240 чел.) и Екатеринбург (240 чел.). Выборка анкетного опроса структурировалась по возрасту (32% респондентов — от 18 до 25 лет; 35% — от 26 до 35 лет; 33% — от 36 до 60 лет); полу (51% — мужчины, 49% — женщины); опыту работы в России (48% респондентов — с опытом работы 1–2 года, 52% — 3 года и более).

Опрашивались трудящиеся-мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в возрасте от 18 до 60 лет, работающие в России на момент опроса. В одной точке не опрашивалось более 1–2 человек, также нельзя было опрашивать более одного члена в одном домохозяйстве.

В ноябре 2020 — феврале 2021 г. проведены полуструктурированные экспертные интервью с представителями диаспоры стран Средней Азии в России, экспертами в сфере миграции в России (всего — 7 интервью).

В ноябре 2020 — январе 2021 г. проведены глубинные интервью с 15-ю трудовыми мигрантами из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Занятость трудовых мигрантов из Средней Азии в России до миграции

До выезда в Россию работали далеко не все опрошенные респонденты (рис. 1). В государственной организации работали 12% респондентов, в частной фирме — 26% респондентов, работали на себя 8% респондентов, а случайными заработками (разовые заказы, посуточная заработная плата) жили также 8% респондентов. Таким образом, работали до выезда в Россию около половины всех опрошенных (54%). Это были 65% от опрошенных мужчин и 43% — от опрошенных женщин. Неоплачиваемой домашней работой были заняты 20% опрошенных, в основном это были женщины (33% женщин против 7% у муж-

чин). Безработными до миграции были около 15% опрошенных, а обучались в вузе, колледже или школе 10% респондентов.

Можно выделить четыре основные сферы занятости работавших до миграции в Россию трудящихся-мигрантов (рис. 2). Это строительство (16% респондентов), оптовая и розничная торговля (15%), сфера услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (12%) и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги (12%). Также можно выделить образование (8% респондентов), сельское хозяйство (7%), транспорт (такси, автобус, перевозка товаров) (6%), здравоохранение (5%) и производство (5%).

Среди упомянутых сфер занятости наблюдались серьезные различия по гендерному признаку. Так, строительство было в основном работой для мужчин (26% у мужчин против 0,5% у женщин), равно как и транспорт (10% и 0% соответственно), сельское хозяйство (9% и 3%) и производство (7% и 3%). А вот оптовая и розничная торговля в основном была занятием женщин (25% у женщин против 8% у мужчин), наряду со сферой услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (17% и 8%), здравоохранением (11% и 1%) и образованием (12% и 5%).

Работа в России трудовых мигрантов из Средней Азии

Почти все опрошенные трудящиеся-мигранты из Средней Азии включены в российский рынок труда на постоянной основе: более трети из них (35%) хотели бы остаться в России навсегда, еще треть (34%) хочет длительное время жить и работать в России, а еще четверть респондентов (25%) намерены приехать в Россию и зарабатывать. Подавляющее большинство опрошенных (96%) постоянно находятся в России, при этом 43% из них постоянно живут в России, домой почти не ездят, а остальные выезжают на родину только на несколько месяцев в году. Это также говорит о постоянной включенности мигрантов в экономику России.

У работодателей в России существует незаконная практика удержания мигрантов на их рабочих местах — изъятие у них паспортов при найме на работу. Ранее эта незаконная практика применялась работодателями достаточно широко, но после введения в 2003 г. статьи 127'2 («Использование рабского труда» с изъятием документов) число случаев ее применения резко

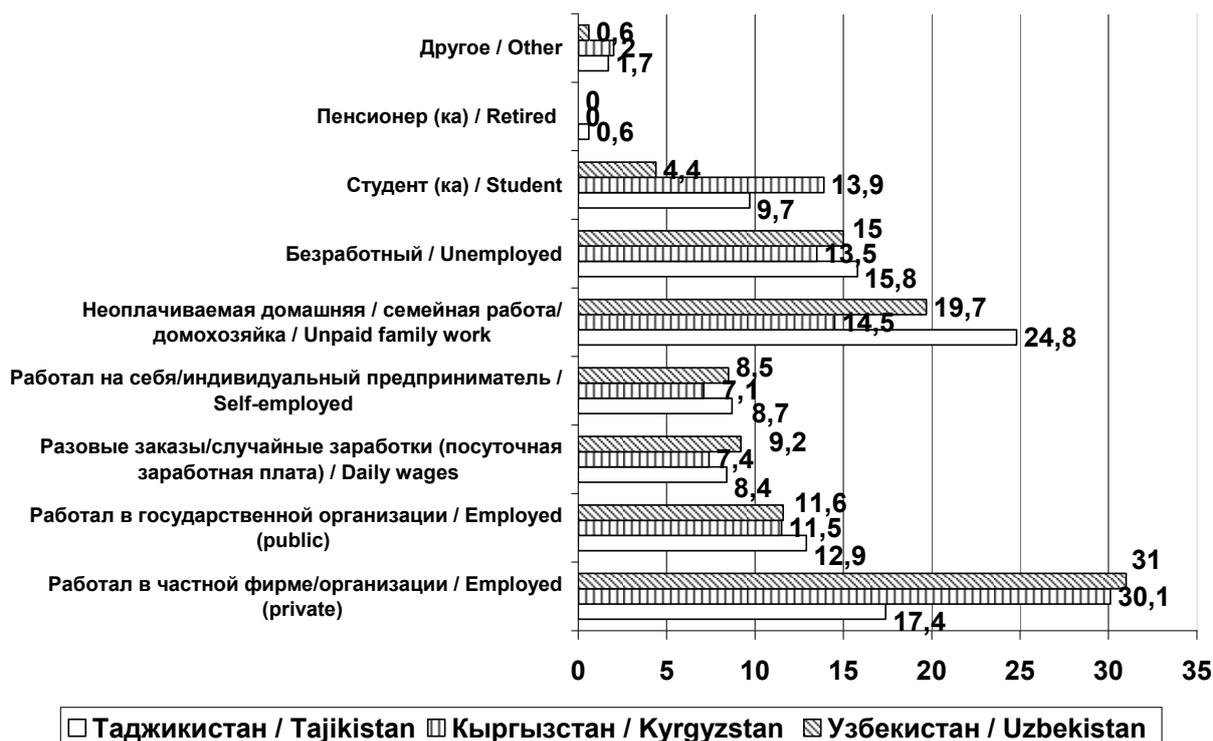

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение респондентов по типу занятости на родине (по странам), % / Distribution of respondents by type of employment at home (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение респондентов по сфере работы на родине (по странам), % / Distribution of respondents by field of work at home (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение респондентов по продолжительности выезда на заработки (по странам), % / Distribution of respondents by the duration of travel to work (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

снизилось, что показывает и наше исследование. Менее чем у 1% опрошенных мигрантов (только среди мужчин) паспорт был изъят работодателем.

Среди опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии 88,8% трудоустроены на полный рабочий день (работают не менее 40 часов в неделю). В Москве (4%) и Екатеринбурге (5%) работающих неполный рабочий день трудящихся-мигрантов из Средней Азии было опрошено меньше, чем в Санкт-Петербурге (30%).

Подавляющее большинство трудящихся-мигрантов из Средней Азии (96%) постоянно находятся в России (рис. 3), при этом из них 43% постоянно живут в России, домой почти не ездят, а остальные выезжают на родину только на несколько месяцев в году. Только 2% выезжают в Россию на заработки на короткий срок. Это говорит о постоянной включенности трудовых мигрантов в экономику России.

Две трети опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 4) работают в организации, на фирме (66% респондентов), 28% работают по найму у частного лица, а 5% — в статусе индивидуального предпринимателя, имеют свой бизнес.

Можно выделить четыре основные сферы, в которых заняты трудящиеся-мигранты из

Средней Азии в России (рис. 5), — те же, в которых они работали на родине. Лишь доля их вовлеченности в сферу услуг стала больше — это работа в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (13% в России, 12% на родине) и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги (23% и 12%), строительство (16%, как и на родине) и оптовая и розничная торговля (15%, как и на родине). А вот дифференциация по другим сферам занятости говорит о меньшем использовании имеющихся компетенций трудовых мигрантов. Так, среди значимых по своей доле сфер занятости можно выделить производство, другие производственные работы (4% респондентов), жилищно-коммунальное хозяйство (6%), транспорт (6%), услуги в частном домохозяйстве (5%). Занятость в сфере образования снижается до 2% респондентов (с 8% на родине), а в здравоохранении до 2% респондентов (с 5% на родине).

При анализе в разрезе пола наблюдается резкая дифференциация сфер занятости. Так, в строительстве занято 31% мужчин и менее 1% женщин. В основном это мужчины из Узбекистана (38% респондентов от общей выборки по Узбекистану) и Таджикистана (38% респондентов

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение респондентов по форме занятости (по странам), % / Distribution of respondents by form of employment (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

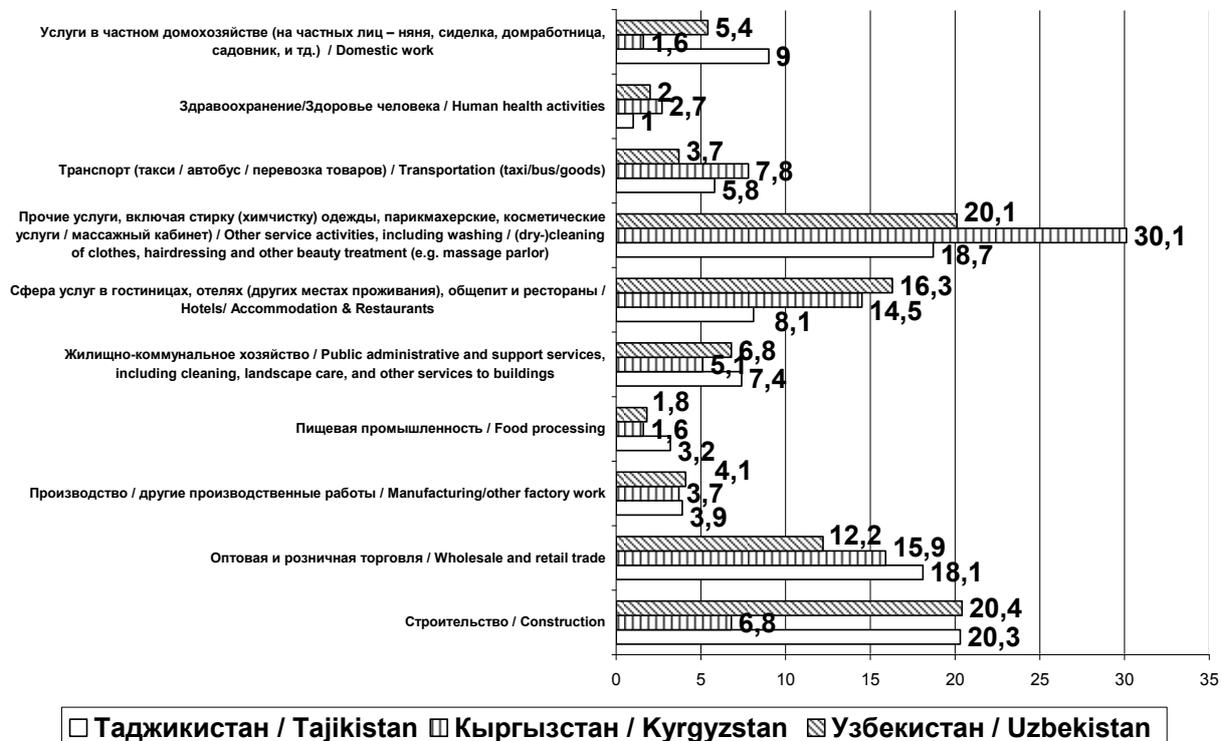

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение респондентов по сфере занятости в России (по странам), % / Distribution of respondents by employment in Russia (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

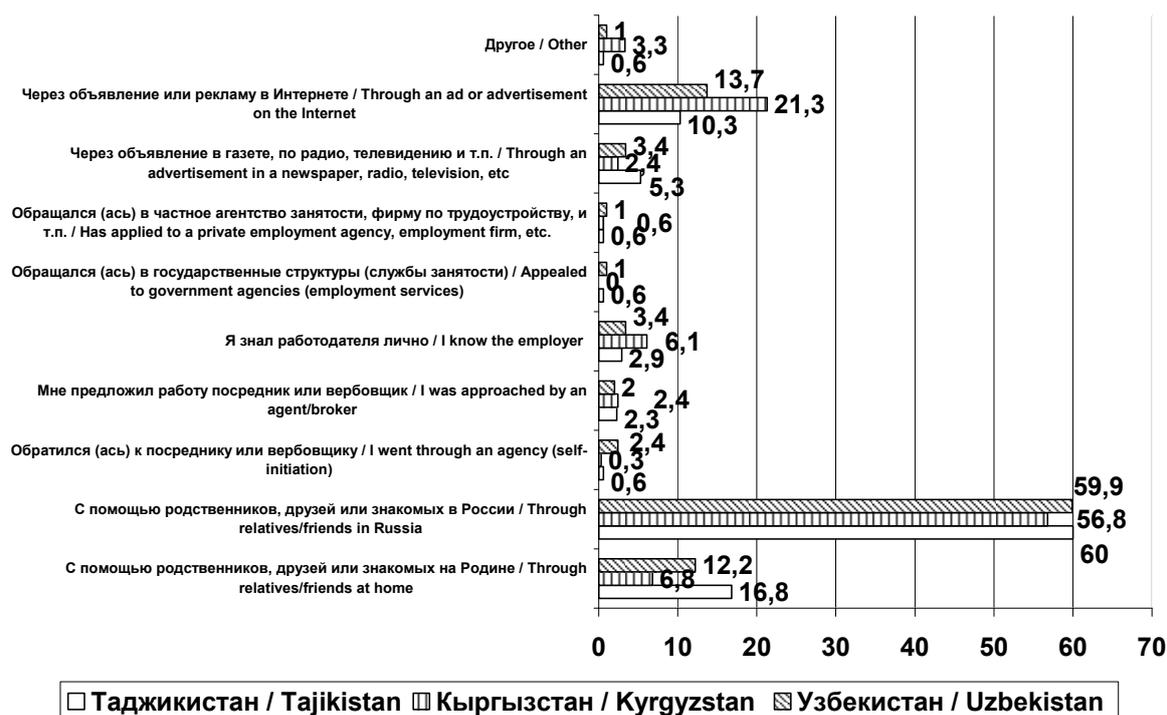

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение респондентов по способу поиска работы в России (по странам), % / Distribution of respondents by job search method in Russia (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

от общей выборки по Таджикистану) и лишь 14% из Кыргызстана (от общей выборки по Кыргызстану). В трех других основных сферах занятости, наоборот, наблюдаем доминирование женщин. В оптовой и розничной торговле заняты 21% женщин-мигранток и 11% мужчин, в сфере услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах 16% и 10% соответственно, а в прочих услугах, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги, — 31% и 15%. В оптовой и розничной торговле дифференциация по полу особенно заметна среди трудящихся-мигрантов из Таджикистана (23% женщин и 13% мужчин от общей выборки по Таджикистану) и Кыргызстана (24% женщин и 8% мужчин от общей выборки по Кыргызстану) и в меньшей степени — среди трудящихся-мигрантов из Узбекистана (14% женщин и 11% мужчин от общей выборки по Узбекистану). В сфере услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах разница в зависимости от пола работников особенно заметна среди трудящихся-мигрантов из Таджикистана (12% женщин и 4% мужчин от общей выборки по Таджикистану) и Узбекистана (20% женщин и 13% мужчин от общей выборки по Узбекистану) и менее заметна среди трудящихся-мигрантов из Кыргызстана (16% женщин и 13% мужчин от общей выборки

по Кыргызстану). В сферах, менее значимых по своей доле в общей выборке, заметны более «мужские»: транспорт (11% у мужчин против 1% у женщин) и в ЖКХ (8% и 5%), и более «женская» — домашние работники (10% у женщин и 1% у мужчин).

Легализация трудоустройства трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Большинство опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии нашли работу через «своих» (рис. 6): 59% — с помощью родственников, друзей или знакомых в России и 12% — с помощью родственников, друзей или знакомых на родине. Среди прочих возможностей поиска работы трудящиеся-мигранты из Средней Азии в России больше всего используют интернет: 15% из них нашли работу через размещенное там объявление или рекламу. 4% респондентов нашли работу через объявление в газете, по радио, благодаря телевидению; 4% знали работодателя лично и 2% воспользовались предложением работы от посредника или вербовщика. Сами обратились к посреднику или вербовщику 1% респондентов, в частное агентство занятости, фирму по трудоустройству — 1% и в государственные структуры по трудоустройству — 1%. Как видно, трудящиеся-мигранты из Средней Азии

Рис. 7 / Fig. 7. Распределение респондентов по наличию письменного договора с работодателем (по странам), % / Distribution of respondents by having a written agreement with an employer (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

в России слабо используют специализированные сервисы для поиска работы, предпочитая личные связи. Кроме того, можно сделать вывод о том, что частные посредники и вербовщики успешно конкурируют на рынке трудоустройства среднеазиатских мигрантов с официальными структурами, занимающимися трудоустройством, но их доля там очень мала. Это может поставить трудящихся-мигрантов из Средней Азии в уязвимое положение, — когда поиск работы осуществляется неофициальным путем, высок риск трудоустройства к недобросовестному работодателю, включения в «теневую» экономику.

Эти риски реализуются, увы, достаточно часто. Так, письменный договор имеют только 55% опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 7). В Москве доля трудящихся-мигрантов из Средней Азии без письменного договора составляет 52%, в Екатеринбурге — 43%, а в Санкт-Петербурге — 37%. В гендерном разрезе различия по занятости без письменного договора у трудящихся-мигрантов из Средней Азии незначительны.

Треть трудящихся-мигрантов из Средней Азии, занятых без письменного договора (33% респондентов), заявили о том, что контракт отказывается заключать работодатель (рис. 8),

а 61% — что письменный договор им не нужен. Такой опрометчивый правовой нигилизм, образующийся в условиях преимущественного найма «через своих», ставит трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России в очень уязвимое положение от работодателя.

«Изначально они сказали, что мы составим договор с вами, но уже как год прошел, они ничего не составили. То есть я могу сказать, что, наверное, даже и не числюсь там» (из глубинного интервью в Москве мигрантки из Кыргызстана, 34 года).

Доля трудящихся-мигрантов из Средней Азии, имеющих легальные контракты, еще ниже: не 55%, как думают сами респонденты, а 42% (это видно при анализе формы выплаты им заработной платы) (рис. 9). Только 25% трудящихся-мигрантов из Средней Азии получают заработную плату через банк, на банковскую карточку от фирмы, юридического лица и еще 17% — по официальной ведомости, под роспись. Это фактически означает, что у 13% трудящихся-мигрантов из Средней Азии на руках письменные контракты, не имеющие юридической силы, так как оплату за свою работу они получают неофициальным путем. Наличными, без ведомости («в конверте») получают заработную плату 43% опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии, 14% — через банк, на карточку

Рис. 8 / Fig. 8. Распределение респондентов по причинам отсутствия письменного договора с работодателем (по странам), % / Distribution of respondents due to the lack of a written agreement with the employer (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

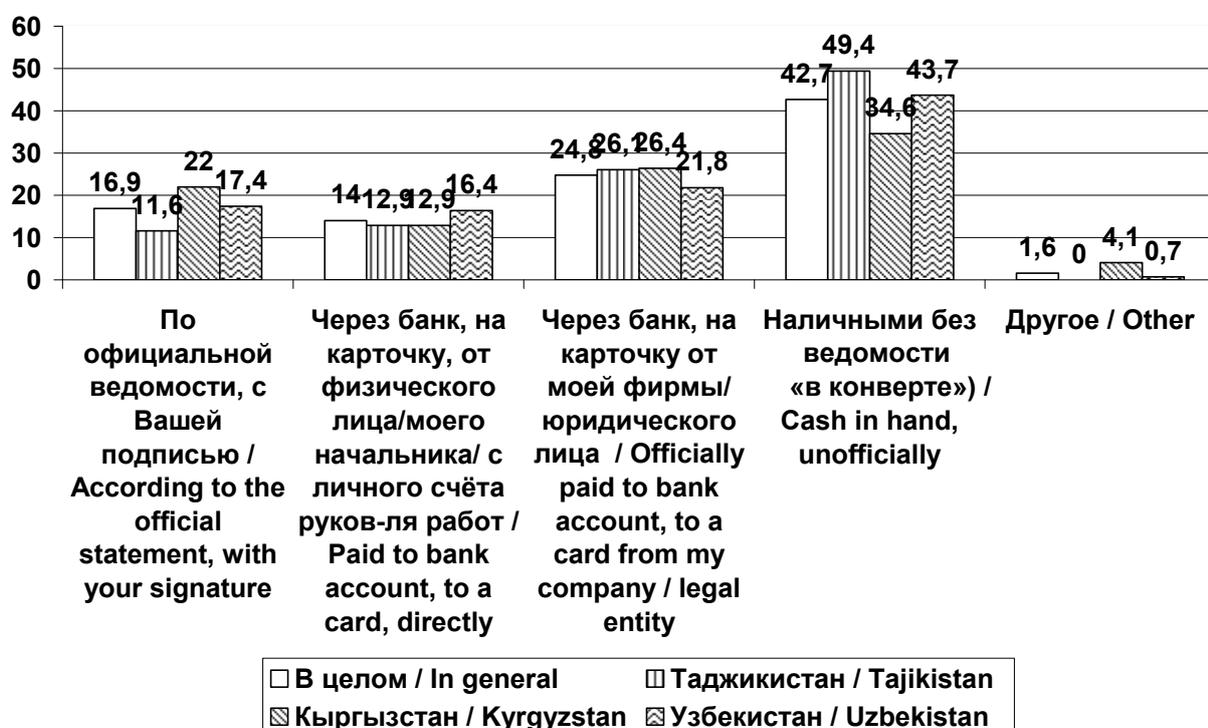

Рис. 9 / Fig. 9. Распределение респондентов по форме получения заработной платы (по странам), % / Distribution of respondents by the form of receiving wages (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 10 / Fig. 10. Распределение респондентов по типу сослуживцев (по странам), % / Distribution of respondents by type of co-workers (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

от физического лица, начальника, с личного счета руководителя.

Конкуренция с россиянами трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Трудящиеся-мигранты из Средней Азии нечасто работают вместе с россиянами (рис. 10). Так, только 16% опрошенных респондентов отметили, что рядом с ними работают в основном россияне, у 32% респондентов — и мигранты, и россияне (примерно поровну). В основном мигранты являются сослуживцами у 42% опрошенных, а 8% респондентов работают без сослуживцев. Гендерные различия по этому вопросу не очень значительные, за исключением тех, кто работает в одиночку: среди них женщин — мигрантов из Средней Азии — значительно больше (14%), чем мужчин (4%). В немалой степени этот перевес сформирован большой вовлеченностью женщин-мигранток в сферу «заботы», так как обычно домашние работники трудятся без сослуживцев.

Немногим более трети трудящихся-мигрантов из Средней Азии (37%) считают, что местные работники могли бы претендовать на их рабочее место (рис. 11), 29% опрошенных считают, что местные работники не захотят выполнять ту работу, которую делают они, а еще треть мигрантов (34%) затруднились ответить на этот вопрос. Такие ответы подтверждают, что мигранты из Средней Азии в основном работают в «мигрантских» нишах российской экономики, где они достаточно редко конкурируют с местными работниками.

Оплата труда трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Оплата труда трудовых мигрантов из Средней Азии в России

В целом по выборке средняя зарплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии (рис. 12–15) составляет 38 290 руб. (529 долл. США) в месяц. У мужчин она немного выше (42 624 руб., или 589 долл. США), чем у женщин (33 778 руб., или 467 долл. США).

При сравнении с официальными данными Росстата о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в целом по экономике РФ, которая за 2020 календарный год составила 51 352 руб., мы видим, что средняя зарплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии составляет три четверти (75%) от заработной платы россиян¹.

¹ Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации. КонсультантПлюс. 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052.

Рис. 11 / Fig. 11. Распределение респондентов по мнению о конкуренции за их рабочее место (по странам), % / Distribution of respondents in opinion about competition for their workplace (by country), %
 Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

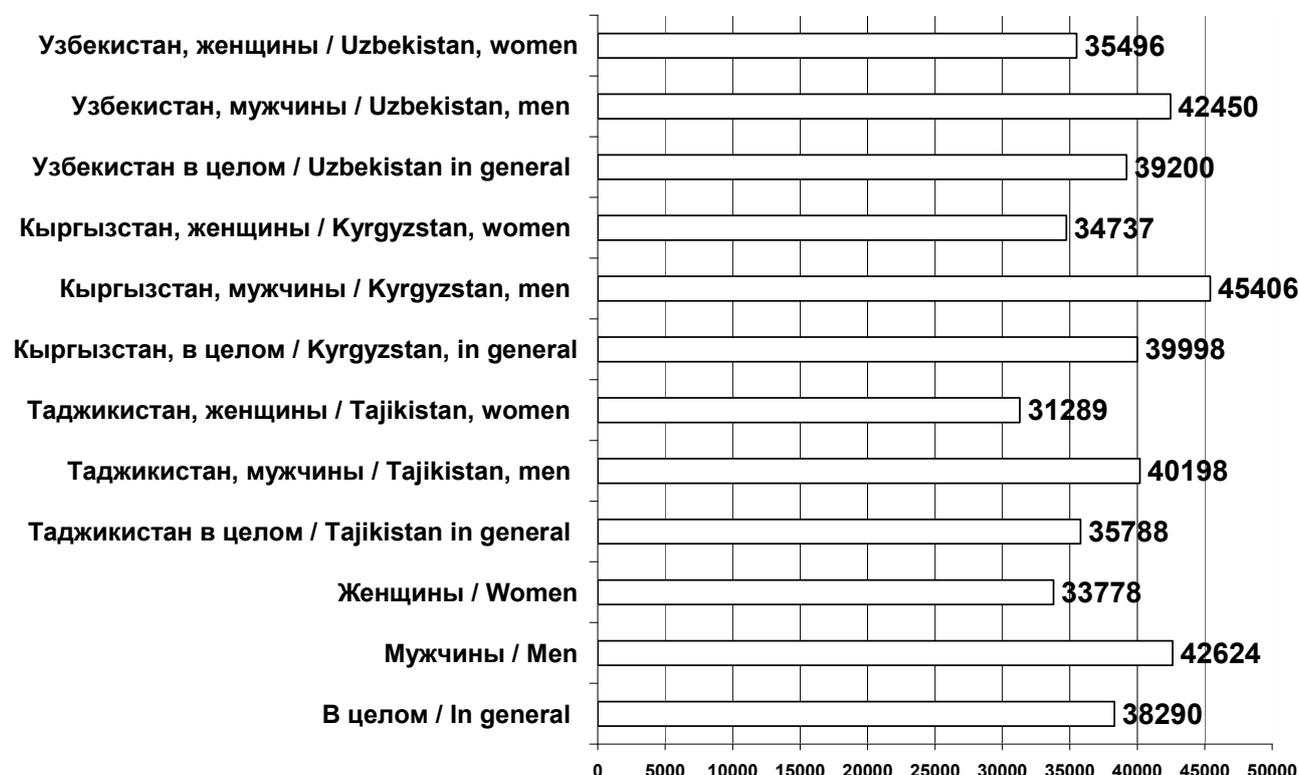

Рис. 12 / Fig. 12. Распределение респондентов по среднемесячной оплате труда в среднем за год, руб. / Distribution of respondents by average monthly wages per year, rubles
 Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

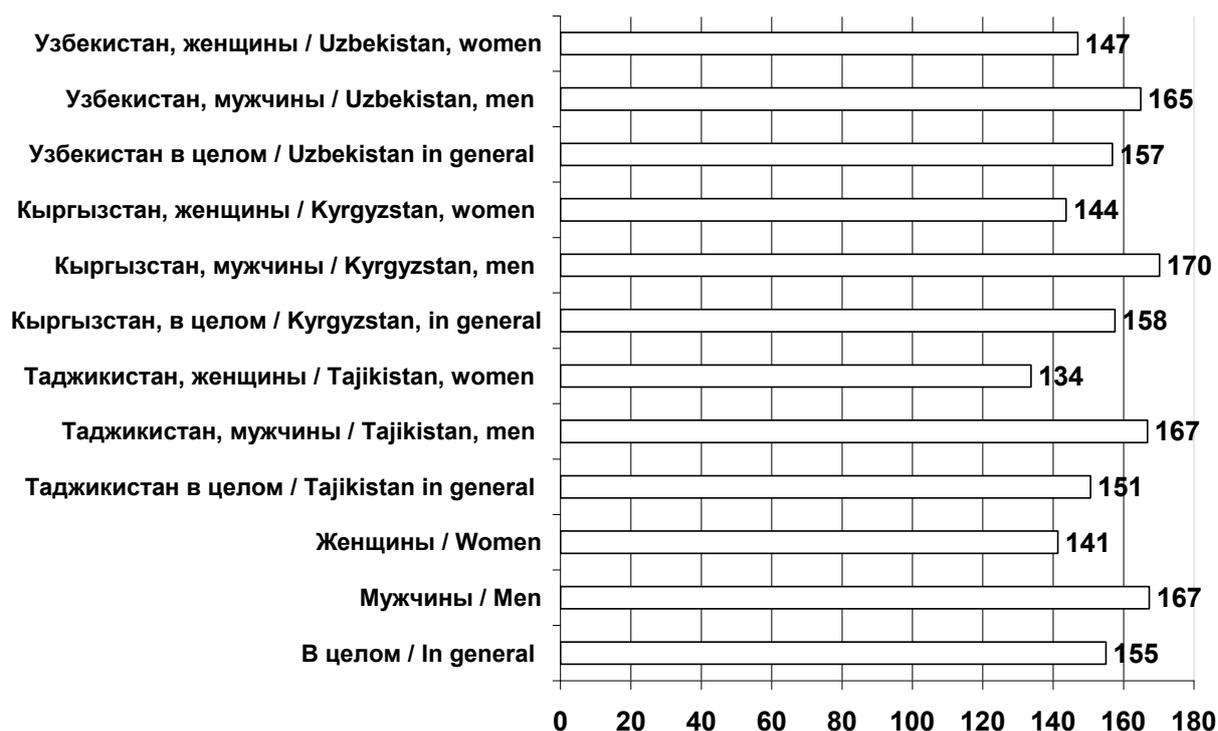

Рис. 13 / Fig. 13. Распределение респондентов по почасовой оплате труда в среднем за год, руб. /
Distribution of respondents by hourly wages on average per year, rubles

Примечание / Note: В расчете почасовой оплаты труда используется число рабочих дней в неделе и продолжительность рабочего дня, собранные по каждому респонденту в ходе опроса / The calculation of hourly wages uses the number of working days per week and the length of the working day collected for each respondent in the survey.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

В среднем рабочий день трудящихся-мигрантов из Средней Азии — 9,826 часа, а рабочая неделя — 5,771 дней. Мужской рабочий день (10,095 часов) и рабочая неделя (5,793 дней) немного больше, чем у женщин (9,544 часа и 5,748 дней). В целом по выборке почасовая оплата трудящихся-мигрантов из Средней Азии составляет 155 руб. в час (2,1 долл. США). Среди мужчин почасовая оплата в среднем составляет 167 руб. в час (2,3 долл. США), а среди женщин — 141 руб. в час (2 долл. США). В России минимальная почасовая ставка оплаты труда, исходя из действующего в 2020 г. минимального размера оплаты труда в 12 130 руб., — около 70 руб.²

Участие в формировании бюджета семьи на родине трудовых мигрантов из Средней Азии в России

Среди опрошенных трудящихся-мигрантов из Средней Азии около половины являются основ-

ными кормильцами в семье (48% респондентов), а еще треть (35%) — обеспечивают семью совместно с другим членом семьи (рис. 16). Другой член семьи (неопрошенный респондент) в основном обеспечивает семью респондента в финансовом отношении в 17% случаев. Таким образом, финансовая поддержка от мигрантов из Средней Азии в России имеет критическое значение для двух третей (65%) их домохозяйств.

Основные кормильцы в семьях трудящихся-мигрантов из Средней Азии — мужчины. Они являются основными кормильцами в 65% случаев и в 28% случаев обеспечивают свою семью в финансовом отношении совместно с другим членом семьи, и только в 7% случаев основным кормильцем является другой член семьи. Роль женщин в финансовом обеспечении их семей тоже очень высока: 30% трудящихся-мигранток из Средней Азии являются основными кормильцами в семье, 42% обеспечивают свою семью в финансовом отношении вместе с другим членом семьи и только в 28% случаев другой член семьи является у них основным кормильцем. Как видим, женщины-мигрантки из Средней

² Новый почасовой МРОТ увеличит зарплату в два раза. URL: <https://www.glavbukh.ru/news/33090-novyy-pochasovoy-mrot-uvlechit-zarplatu-v-dva-raza>.

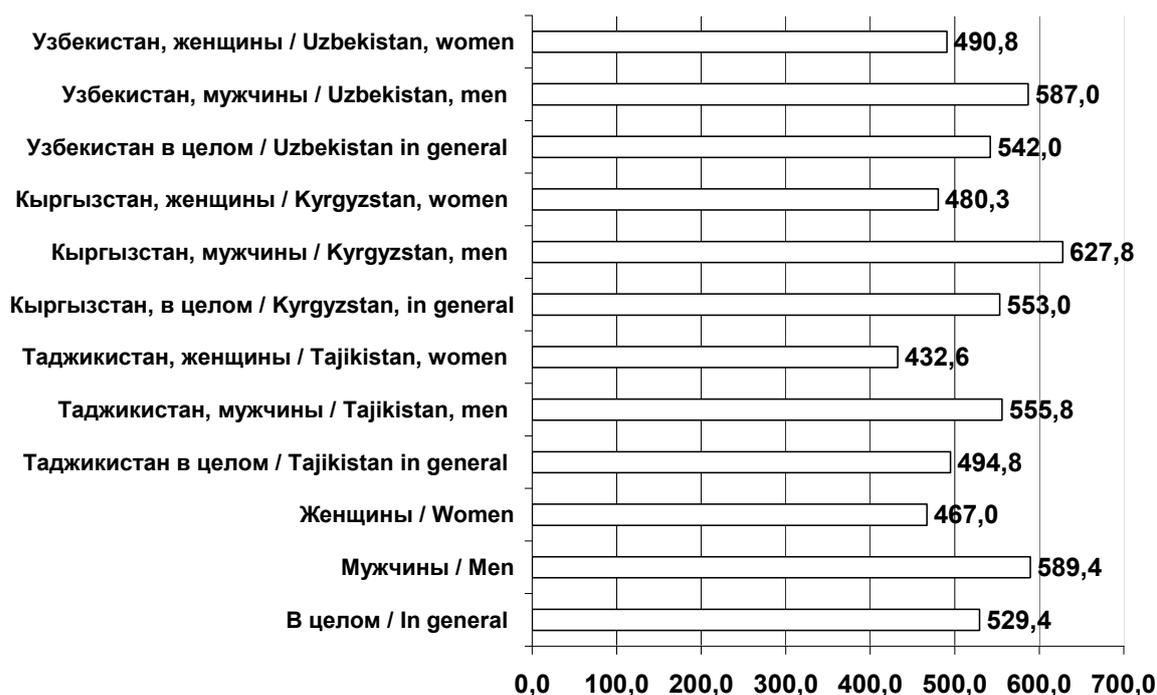

Рис. 14 / Fig. 14. Распределение респондентов по среднемесячной оплате труда в среднем за год, долл. США / Distribution of respondents by average monthly wages per year, USD

Примечание / Note: В расчетах используется средний курс 1 долл. США за 2020 г. равный 72,323 руб. / 72.323 rubles as the average rate of US\$ for 2020 was used in the calculations.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

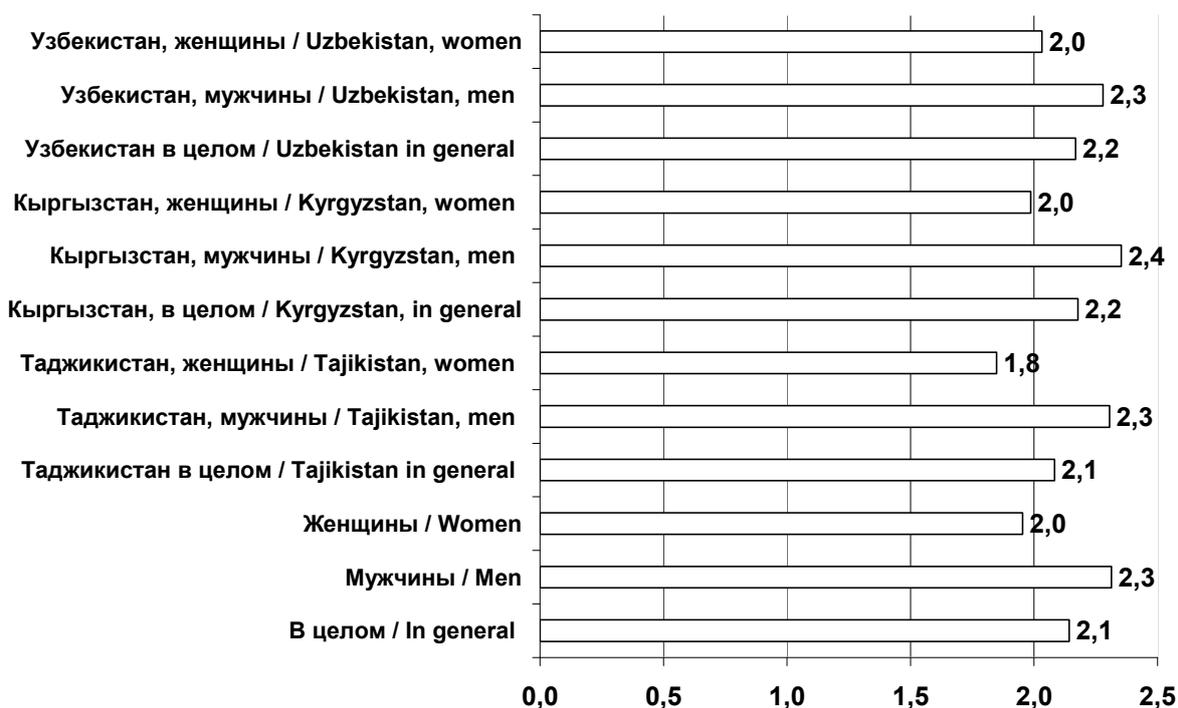

Рис. 15 / Fig. 15. Распределение респондентов по почасовой оплате труда в среднем за год*, долл. США / Distribution of respondents by hourly wages on average per year, US dollars

Примечание / Note: В расчете почасовой оплаты труда используется число рабочих дней в неделю и продолжительность рабочего дня, собранные по каждому респонденту в ходе опроса / The calculation of hourly wages uses the number of working days per week and the length of the working day collected for each respondent during the survey. * Используется средний курс 1 долл. США за 2020 г. равный 72,323 руб. / 72.323 rubles as the average rate of US\$ for 2020 was used in the calculations.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

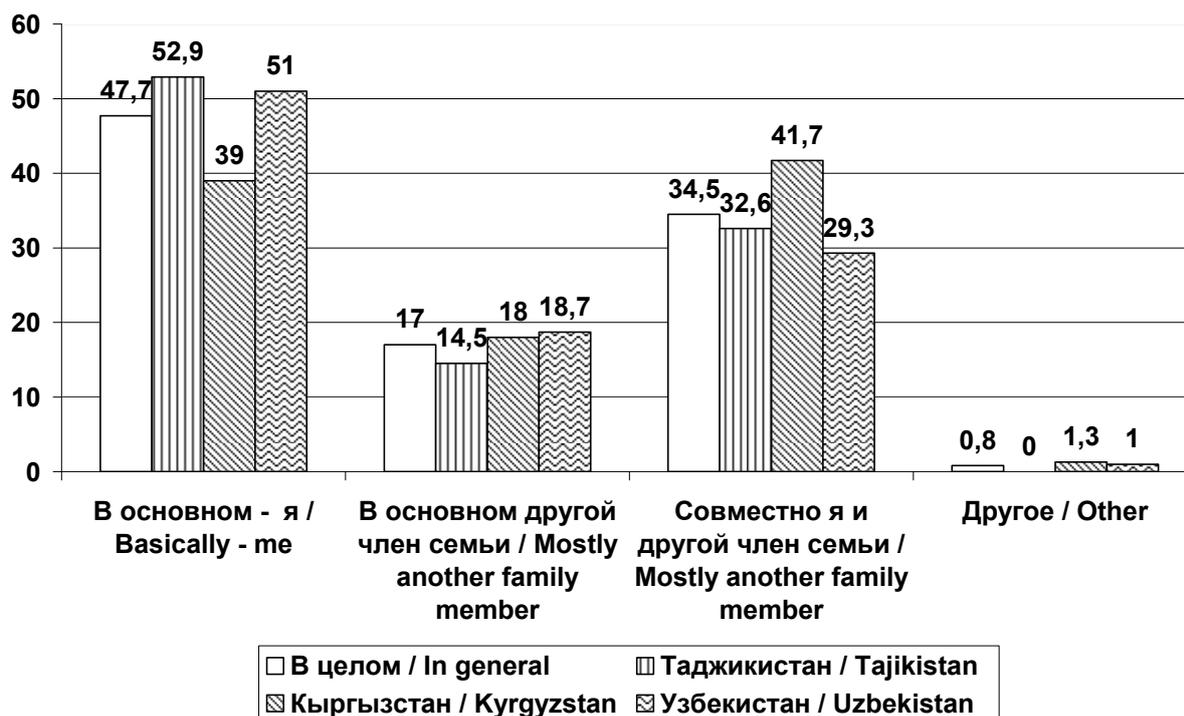

Рис. 16 / Fig. 16. Распределение респондентов по участию в формировании бюджета семьи (по странам), % / Distribution of respondents by participation in the formation of the family budget (by country), %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Азии являются в 72% случаев (!) очень важными работниками, от которых зависит выживание их семьи на родине.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования о том, что и в условиях пандемии трудовые мигранты из Средней Азии по-прежнему продолжают трудиться в «мигрантских» нишах российского рынка труда, подтверждаются и другими российскими исследователями, проводившими опросы в 2020 г. [1]. Это сфера услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах и прочие услуги, включая стирку (химчистку) одежды, парикмахерские и косметические услуги, строительство и оптовая и розничная торговля.

Поиск работы «через своих» по-прежнему лидирует среди трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России, но постепенный рост доли тех, кто ищет работу с помощью сети Интернет, коррелирует с теми усилиями, которые, например, прилагает в России Минтруд, продвигая электронный портал для трудоустройства «Работа в России», считая цифровизацию услуг для трудовых мигрантов в России приоритетной задачей, способствующей выводу

трудовых отношений из тени и постепенной легализации рынка иностранного труда в России. В последние годы появилось достаточно много цифровых инициатив, с помощью которых легализация трудящихся-мигрантов из Средней Азии и помощь в защите их трудовых прав более доступны³.

Согласно расчетам экспертов на основе официальной статистики, около 72% трудовых мигрантов, находящихся в России в I квартале 2021 г., имели право выйти на легальный рынок труда. Согласно данным нашего исследования, только 42% трудовых мигрантов из Средней Азии были легально заняты в России в конце 2020 г. И если в 2020 г. они составляли 75% от всех трудовых мигрантов в России [2], то можно прийти к неутешительному выводу, что в реальности возможность легальной занятости реализуется среди трудящихся-мигрантов из Средней Азии очень ограниченно.

Как показало исследование, анкетирование в условиях пандемии COVID-19 является труд-

³ Обзор интернет-ресурсов для мигрантов из Центральной Азии, пребывающих в Российской Федерации. URL: http://moscow.iom.int/sites/default/files/overview_internet_sources_2021.pdf

ным, но возможным делом, но респонденты становятся менее доступными, и их сложнее рекрутировать для анкетирования.

Исследование охватывало только работающих мигрантов, так как это позволило сосредоточиться на изучении тех ниш рынка труда, которые занимают мигранты из Средней Азии, их вовлеченности в российскую теневую экономику, их миграционных намерениях и уровне интеграции. В то же время в условиях пандемии COVID-19 исследование иных групп мигрантов из Средней Азии (иностранцев, студентов, детей-мигрантов, мигрантов пенсионного возраста, безработных и пр.) также

представляется важным и актуальным, так как все они имеют жизненные условия и стратегии интеграции и адаптации, значительно отличающиеся от занятых в экономике России трудящихся-мигрантов.

Кроме того, исследование не охватывало трудящихся-мигрантов из Средней Азии, имеющих, помимо гражданства своей страны, российское гражданство или вид на жительство в России. Наличие гражданства РФ или вида на жительство РФ значительно изменяет положение мигранта из Центральной Азии на российском рынке труда, и поэтому исследование этой категории мигрантов также представляется важным заданием на будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисенко М., Мукомель В. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии. *Демографическое обозрение*. 2020;7(3):84–107.
2. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года. *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2021;10(142).

REFERENCES

1. Denisenko M., Mukomel V. Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demographic Review = Demograficheskoe obozrenie*. 2020;7(3):84–107. (In Russ.).
2. Mkrтчyan N.V., Florinskaya Yu.F. Migration: main trends in January-February 2021. *Monitoring the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development = Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya*. 2021;10(142). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Вячеславович Полетаев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия; директор, Центр миграционных исследований, Москва, Россия
dmitrypoletaev@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Poletaev — Cand. Sci (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Director, Center for Migration Studies, Moscow, Russia
dmitrypoletaev@yandex.ru

Статья поступила 08.07.2021; принята к публикации 30.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.07.2021; accepted for publication on 30.07.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.